

ПЕРЕХОД ЧЕРНОМОРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ФЛОТИЛИИ К ТАМАНИ В АВГУСТЕ 1792 ГОДА

Военно-казачью колонизацию Северного Кавказа можно смело отнести к событиям геополитического характера. Переселение на кубанские земли Черноморского казачьего войска стало судьбоносным не только для самих казаков, но и для Кубани, региона, да и всей России. Неудивительно, что этому событию уделено столь значительное внимание в кубанской историографии. В то же время для большинства историков тема “переселения” не являлась предметом самостоятельного исследования, поэтому они обращались (и обращаются) за материалом к работам немногих (в основном дореволюционных) специально занимавшихся изучением этого вопроса авторов. Подобная “технология” приводила (и приводит) к постоянному воспроизведению “старых” ошибок.

В дореволюционной историографии есть две, фактически различные, версии переселения – Ф.А. Щербины и П.П. Короленко [1; 2]. Имеющиеся в них фактографические разночтения столь существенны, что возникает вопрос о корректности работы с первоисточниками (оговорюсь сразу: во всех спорных вопросах прав оказался П.П. Короленко). Именно эти противоречия и побудили автора попытаться самостоятельно реконструировать процесс переселения черноморцев на Кубань, опираясь, в первую очередь, на архивные материалы. В данной статье рассматривается первый этап переселения – переход казачьей флотилии к Тамани, тем более, что во всех без исключения работах этому событию уделено буквально несколько строк.

Указом Сенату и Высочайшей грамотой от 30 июня 1792 года войску Черноморскому “всемилоостивейше пожаловали... в вечное владение состоящий в области Таврической остров Фанагорию с всею землею лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ее к Усть-Лабинскому реду – так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же, Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли...” [3.-287].

Следует отметить, что переселение черноморских казаков на Тамань планировалось много раньше, ибо находилось в контексте общего правительственного плана военно-казачьей колонизации Кубани. Первое повеление о передвижении казачьей флотилии к Тамани последовало еще ранней весной 1792 г., но было приостановлено до получения надлежащих сведений о кубанской земле [2.-С.133]. Исследование Тамани, проведенное под руководством генерал-аншефа Коховского, показало, что земель острова явно недостаточно для поселения Черноморского войска. Очевидно, вскоре после этого последовало решение о выделении казакам просимых земель и где-то в начале мая бригадир русского флота П.В. Пустошкин получил приказ “препроводить” казачью флотилию до Тамани. 13 мая он сообщил об этом в войско и затребовал данные о состоянии флотилии [4.-Л.83].

Сделать это было затруднительно, так как флотилия, разбросанная по “дунайским гирлам”, еще только собиралась к местечку Слободзея на Днестре. 26 февраля вседвигающиеся к Днестру лодки были переданы под командование войскового полковника армии премьер-майора Саввы Белого (сам он об этом узнал 10 апреля). 19 мая 1792 года С. Белый рапортовал атаману З. Чепеге, что прибыл к Слободзее на 46 военных лодках и баркасах [4.-Л.60]. По ведомости гребной флотилии, представленной С. Белым 21 мая, из 54 лодок 10 оказались совсем “неспособные к подчинке”, а остальные требовали серьезного ремонта: “Состояние плохое и трудно дойти до Тамана” [5.-Л.128]. Из рапортов командиров частей флотилии видно, что, кроме починки корпусов и разного рода мелкого ремонта, требовались и новые мачты, реи, паруса.

2 июня 1792 г. вице-адмирал Мордвинов получает очередное повеление от императрицы Екатерины II, где, в частности, говорится: “В донесениях вы не упоминаете о флотилии казачьей Черноморской, которая по нашему предписанию должна была следовать к Очакову под начальством бригадира Пустошкина и с ним же воспринять плавание к Таману” [5.-Л.6]. 5 июля о “подтвержденном повелении” следовать к Тамани сообщается атаману черноморских казаков З.Я. Чепеге. 6 июля П.В. Пустошкин получает приказ отправиться на Днестровский лиман и, оставив на месте ветхие “безнадежные лодки”, двинуться с оставшимися к Николаеву.

Здесь самое время сказать несколько слов о Павле Васильевиче Пустошкине, которому Ф.А. Щербина придал статус “сопровождающего” казачью флотилию, а А.Г. Бурмагин и вовсе “назначил” помощником С. Белого [1.-С.511; 6]. Будущий адмирал русского флота П.В. Пустошкин родился в бедной дворянской семье в 1749 г. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, в 1766 г. мичманом поступил на Балтийский флот. В 1769 г. переведен в Таганрог и весь период русско-

турецкой войны (1768–1774 гг.) находился в крейсерстве на Черном море, причем в 1774 г. командовал отдельной флотилией в Еникале. В войне 1787–1791 гг. он крейсировал с эскадрой у крымских берегов, командовал арьергардной эскадрой, а затем был назначен командиром Черноморского гребного флота и флотилии черноморских казаков [7.-С.30; 8.-С.188]. Естественно, что непосредственный начальник казачьей флотилии и был назначен командиром похода.

11 июля капитан бригадирского ранга П.В. Пустошкин прибыл в Слободзею. 20 июля в урочище Аджибей он вместе с командиром казачьей флотилии С. Белым осмотрел все суда и из 54 лодок выбрал только 26 “способных дойти до Тамани”. 28 лодок остались при местном адмиралтействе [5.-Л.32]. К этим 26 “способным” лодкам старой постройки были добавлены 24 лодки и 1 яхта новой постройки. История появления последних такова.

Еще в начале 1791 г. по повелению князя Г.А. Потемкина при урочище Фальче на реке Прут казаки начали строительство 50 мореходных лодок для войска [9.-Л.132]. Постройкой лодок руководил полковой старшина Данильченко. Долгое время дело почти не двигалось, а только шла оживленная переписка о людях, инструментах, подводах, лесе и т.п. Строительство лодок взял под свой контроль генерал-майор де Рибас, который даже объявил выговор войсковому судье А.А. Головатому. Только 31 мая удалось заложить первые 10 лодок. К 8 июля число их достигло 25. 16 марта 1792 г. войсковой полковник Кордовский рапортовал А.А. Головатому: “До сего 14 марта на воду спущено 24 лодки, только одна яхта остается, но и она готова к спуску” [9.-Л.72].

9 апреля 24 лодки и яхта под командой полкового старшины Высочина отправились в Галац, затем с большим трудом достигли Старой Килии. Здесь их по повелению М.В. Коховского принял капитан-лейтенант Патиниоти, дабы “оснасткою вооружить”. Оставшись “неспособно оснащенными”, они дооснащались в Слободзее, а затем поступили под команду С. Белого.

28 июля эта объединенная флотилия прибыла в Очаковский лиман к Станиславу для окончательной починки и оснастки [10.-Л.10]. Все работы предполагалось завершить ко 2 августа. Личный состав флотилии насчитывал 101 старшину и 2 712 казаков; вооружение лодок – 32 орудия.

Починку и оснастку судов удалось завершить к 8 августа, и все они были спущены на воду. 8 августа 1792 г. бригадир П.В. Пустошкин с борта флагманского судна бригантины “Благовещение” (в ряде источников судно именуется “яхтой”) издал приказ командирам частей казачьей флотилии [5.-Л.38]. В нем он сообщал, что при первом благополучном ветре флотилия отправится в Еникольский пролив к острову Тамань. От командиров требовалось точно соблюдать сигналы, “особливо в ночное и туманное время”. Лодкам назначалось следовать близ берегов Крыма, держась, по возможности, соединенно. Судам, получившим повреждения и неспособным двигаться вместе с флотилией, надлежало следовать в порты Балаклава, Ялта, Судак, Керчь. Для randevu назначался и сам Еникольский пролив, “если ветер в Тамань будет противный”.

10 августа командир казачьей флотилии С. Белый доложил А.А. Головатому, что флотилия в составе 51 судна находится при Станиславской косе в полной готовности. “Войско со всем экипажем помещено на лодки и 11 транспортных гребного флота судов. Пустошкин ожидает попутного ветра, и как он появится, тот час с помощью божьей примут путь как флотилия, так и сопровождающий ее гребной флот” [5.-Л.52].

16 августа П.В. Пустошкин приказывает всем командирам: “К походу быть в готовности непременно сего числа” [5.-Л.46]. Вероятно, этот день и следует принять за день отплытия казаков к Тамани. Правда, есть рапорт полковника Кордовского, датированный 15 августа: “За отплытием к острову Тамань сего войска флотилии, а с нею полковых команд с нами осталось...” [5.-Л.40]. Возможно, Кордовский написал свой рапорт в день, назначенный для отплытия, а потом что-то задержало флотилию.

Осторожно двигаясь вдоль берегов Крыма (что происходило в пути – неизвестно, так как даже в журнале исходящих бумаг С. Белого нет записей за эти дни), казачья флотилия 25 августа благополучно достигла берегов Тамани. 26 августа командир флотилии рапортовал войсковому судье: “Предпринятый по Высочайшему повелению... вояж кончили сего августа в 25 день..., прибыли до Тамани о 51 судах благополучно” [11.-С.504].

Итак, флотилия стоит у Тамани, а мы попытаемся уточнить три вопроса: сколько же судов прибыло к берегам Тамани, их состав и численность первого казачьего десанта. Если обобщить имеющиеся в историографии точки зрения, то по первому вопросу имеется три варианта ответа: 51 лодка и яхта, 50 лодок и яхта и просто 51 судно.

На вопрос о количественном и качественном составе казачьей флотилии мы уже фактически ответили: 26 старых лодок, 24 новых и яхта. В ряде работ утверждается, что П.В. Пустошкин плыл на яхте “Благовещение”. Может возникнуть вопрос: не на яхте ли черноморских казаков держал свой вымпел командир похода? Нет, и вот почему. Имя “Благовещение” носила яхта командующего Черноморским гребным флотом (есть приказы де Рибаса, изданные с этого судна), и яхта казачья не

могла получить имя действующего судна. Кроме того, казачья яхта в документах всегда безымянна. И до переселения, и на Кубани она – просто “яхта”. Таким образом, капитан П.В. Пустошкин плыл на своем флагманском судне, которое он в своих приказах называет бригантиной. Итак, у нас уже получается 50 лодок, яхта (вместе – казачья флотилия) и бригантина.

В целом ряде документов неоднократно упоминаются некие транспортные суда, которые должны были “проводить” флотилию до Тамани. На них погрузили тяжелые орудия и часть людей. В одном из рапортов С. Белого указано уже точно: “...войско со всем экипажем помещено на лодки и 11 транспортных гребного флота судов”. Но и это еще не все. В одном из документов сообщается, что казачьи лодки перешли к Тамани “под сбереженьем корсерских судов” [12.-С.326]. Задача крейсеров, очевидно, заключалась в охране канонерских лодок и оказании помощи на случай возможного кораблекрушения.

Не будем вспоминать о “партикулярных судах” – байдаках, дубах, лунтрах, шайках, – находившихся всегда при флотилии. Прямых документальных свидетельств об их участии в этом походе нет. Да и без них видно, что к берегам Тамани отправилась очень внушительная эскадра. Когда С. Белый в своем рапорте А.А. Головатому сообщает о благополучном прибытии 51 судна, то он, естественно, докладывает о судах, находившихся в его подчинении, то есть о казачьей флотилии.

Точную численность первого десанта установить, по-видимому, не удастся. 4 августа 1792 г. С. Белый рапортовал, что при флотилии “имеет ныне следовать старшин и казаков две тысячи восемьсот тринадцать человек” [5.-Л.35]. Некоторые исследователи полагают, что именно столько казаков и прибыло в Тамань. Однако из текста документа не вполне ясно, учитываются ли здесь казаки, помещенные на транспортные суда. И самое главное – за две недели до отплытия это число могло измениться не раз.

В любом случае, гораздо предпочтительнее рапорт С. Белого от 10 сентября 1792 г. “о казаках, находящихся на гребной флотилии при Тамани” [5.-Л.53]: “Полковников 4, старшин 4, ассаулов – 4, хорунжих – 4, квартирмейстеров – 4, сотников – 51, атаман и пушкарь 21, канонир – 124, казаков – 3031. А всего 3 247 ч.”. Эту цифру следует принять за ориентир, но абсолютизировать нельзя и ее.

Дело в том, что на Кубани еще до переселения туда черноморцев находилось значительное количество “разного рода бурлак”, которые бродяжничали и занимались промыслами. М. Гулик во время своего знаменитого осмотра “кубанской стороны” насчитал их более двух тысяч, из них 114 человек записались сразу же в казаки [13.-Л.69,72]. У нас нет полной уверенности в том, что подобную процедуру не проделал С. Белый и не показал вновь поступивших в казаки в общем списке.

Ф.А. Щербина (а вслед за ним и многие другие авторы) пишет о 3 847 казаках, высадившихся на Тамани. Это явная и грубая ошибка. Из документов выхвачена цифра гораздо более позднего времени. 3 247 человек фигурируют в рапортах более месяца, последний из них датирован 2 октября. И только в рапорте С. Белого от 1 ноября появляются 3 847 человек. Увеличение численности произошло за счет шестисотенной команды полковника Кордовского, прибывшей на Тамань сухопутным путем через Крым. 10 ноября датирована и первая заявка на провиант для “состоящих во флотилии 3 247 казаков и на прибывших с полковником Кордовским 600 человек” [5.-Л.70].

Между 25 января и 20 февраля 1793 г. на Тамань прибыло еще 100 человек вместе с казначеем гребной флотилии. Общая численность казаков на Тамани достигла 3 947 [14.-С.31]. Впрочем, дальнейшие этапы переселения уже выходят за рамки заявленной темы.

Подведем итоги. Высочайшее повеление о переходе на Тамань застало казачью флотилию явно неподготовленной. Большая часть казаков флотилии, как не имеющих “самонужнейшей одежды и обуви”, была распущена командирами на заработки. Собрать их вновь на суда оказалось делом сложным и долгим. Часть лодок просто не могла передвигаться вследствие малочисленности экипажей. Войсковое руководство вынуждено было командировать на лодки людей из других частей войска. Неудовлетворительным оказалось состояние лодок и их оснащение. Решались эти проблемы мучительно тяжело. Дело доходило до того, что распределением нескольких топоров, пил и т.п. приходилось заниматься высшим должностным лицам войска и даже командиру гребной Черноморской флотилии.

И тем не менее, большую часть этих, казалось бы, бесконечных проблем удалось разрешить. Лодки на берегу были заново проконопачены и осмолены, снабжены галерными парусами, брезентовыми тентами, якорями, блоками, веслами, канатами и т.п. Готовясь к походу, флотилия приобрела оборудование, без которого, очевидно, обходилась всю войну: 4 больших зрительные трубы, 25 мореходных компасов, 51 жестяной фонарь, 51 “кожаную юхту” на помпы [15.-Л.15].

Переход к Тамани явился серьезным испытанием и для судов и для их экипажей. Ведь канонерские лодки по своей конструкции не планировались для плавания в открытом море (по выражению одного из моряков, “в море с верностью не могут стоять”). Благополучное десятидневное

плавание подтвердило и качество подготовки судов к “воюжу” и профессиональные навыки частных и лодочных командиров флотилии.

Источники и литература

1. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – Екатеринодар, 1910. – Т. 1.
2. Короленко П.П. Предки кубанских казаков на Днестре. – Б.м, б.г. // Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник. – ПИК-1312.
3. Копии всех императорских грамот и других письменных актов, принадлежащих Кубанскому казачьему войску // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 8.
4. Государственный архив Краснодарского края (далі – ГАКК). – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 163.
5. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 190.
6. Бурмагин А.Г. Переселение черноморцев на Кубани // Кубанский курьер. – 1992. – 22 апреля.
7. Военный энциклопедический лексикон. – СПб., 1856. – Т. XI.
8. Морские сражения русского флота. – М., 1994.
9. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 132.
10. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 158.
11. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – СПб., 1896. – Т. 3.
12. Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. – СПб., 1898. – Т. 4.
13. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 161.
14. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 228.
15. ГАКК. – Ф. 249. – Оп. 1. – Д. 230.

Summary

The article studies the history of the Black Sea flotilla move to Taman' in August of 1792. According to the author the flotilla was not ready for the transference, so the move to Taman' turned out the severe trial both for the vessels and their crews.

О.А. Бачинська

ЗАДУНАЙСЬКІ ЗАПОРОЖЦІ У ВИРІ РОСІЙСЬКО-ТУРЕЦЬКОЇ ВІЙНИ 1806–1812 рр.

Перебування запорожців у межах Османської імперії – одна із цікавих сторінок в історії козацтва. Активні дослідження даного питання розпочалися з 90-х років ХХ ст. Через брак необхідних джерел наявні монографії, дисертаційні дослідження та статті [1; 2; 3] залишають чимало недостатньо розроблених аспектів з історії так званих турецьких або задунайських запорожців. Одним із таких аспектів є становище задунайців під час російсько-турецької війни 1806–1812 рр. та їхня участь у військових діях на боці турецької армії.

Напередодні війни Січ задунайських козаків знаходилась в селищі Катирлез (Сфинту Георге), інші поселення – на територіях, що відвів їм султанський уряд “в округах Кілійському та Аккерманському”, місцях “нижче Старої Кілії на острові в житлах некрасівських¹, звідки браїловський паша вигнав некрасівців [4] і поселив запорожців” [1.-С.37]. Некрасівці у складі військ ізмаїльського паші Пеглевана здійснили напад на Катирлез і спалили житла запорожців, багатьох

¹ Некрасівці були донськими козаками-старообрядцями, які брали участь у повстанні Кіндрата Булавіна і після його поразки на чолі з отаманом Гнатом Некрасовим пішли на Кубань, у 40–70-х роках ХVІІІ ст. через внутрішні суперечки та політику російського уряду вони почали переселятися на Дністер і пониззя Дунаю. У 80-х роках їхня кількість збільшується і вони офіційно дістають дозвіл турецького султана на поселення у дунайських гирлах. Активна розбудова Січі задунайцями в 90-х рр. ХVІІІ – початку ХІХ ст. і пов'язаний з тим перерозподіл земель як засіб існування мав призвести до конфлікту з некрасівцями. Значення мала не лише вигідна земля у дунайському гирлі, плавні, рибні лови, але й не останню роль відігравали різні релігійні конфесії запорожських і некрасівських козаків. Доки турецький уряд не звертав уваги на відносини між задунайцями і некрасівцями, стосунки між ними дійшли до кривавих розправ